

Text 21

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

МИМОЗЫ

Как настоящий мужчина, Андрей очень плохо знал, что нужно дарить женщинам. Правда, Клава всегда очень благодарила его за все подарки, но потом вела себя непонятно.

Например, театральную сумку, подаренную Андреем, она брала только в магазин и никогда не брала в театр. Духи, которые подарил он, женщина никогда не открывала. Она всегда стояли в шкафу. «Почему, — думал Андрей, — ведь я купил духи в самой красивой коробке, какая только была в магазине?»

— Всё хорошо, всё очень хорошо, — говорила Клава. — Мне очень дорог твой подарок. Я очень люблю эти духи.

Но в этом году Андрею повезло. Несколько дней назад Клава пришла с работы и сказала: «Сегодня утром я видела в киоске мимозы, но спешила на работу и не могла купить их. Это мои самые любимые цветы. Она такие нежные и красивые!»

Андрей вспомнил этот разговор вечером 7-го марта. После работы он пошёл в цветочный магазин, но там ничего не было.

— Что вы хотите? — спросила его продавщица.

— Мне нужны мимозы, — ответил Андрей.

— Мимозы были утром, сейчас все кончились. Сами понимаете, завтра праздник!

Возьмите другие цветы, — сказала продавщица, — вот эти тоже очень хорошие, — показала она на другие цветы, — они будут долго стоять.

Андрей устал, хотел есть и поэтому уже решил согласиться. Он достал карандаш, чтобы написать адрес, куда принести цветы. Но вдруг вспомнил, что этот красивый карандаш подарила ему Клава. Вспомнил Андрей и многое другое. Когда он захотел прочитать новый роман, о котором все говорили так много хорошего, Клава звонила всем своим друзьям. Наконец, она нашла эту книгу и подарила ему.

И так было всегда. Если у Андрея было какое-нибудь желание, Клава всегда старалась выполнить его.

Андрей вспомнил всё это и решил обязательно найти мимозы, которые Клава так любила.

— Как вы думаете, где сейчас можно купить мимозы? — спросил он у продавщицы.

— Не знаю, — ответила она, — может быть, в киоске на площади, около драматического театра, ещё есть мимозы.

Андрей решил ехать к театру. Он сел на автобус, проехал несколько остановок и вышел на площади. В киоске не было мимоз.

— Утром были, — сказала хорошенькая девушка-продавщица, — а сейчас нет. Приходите завтра.

Но «завтра» Андрей не хотел. Он хотел, чтобы сегодня Клава обязательно получила свой любимые цветы.

Продавщица посоветовала ему пойти в цветочный магазин, который был совсем рядом, на следующей улице. Но там тоже не было мимоз.

— У вас есть мимозы? — спросил он неуверенно.

— Нет, к сожалению, — ответил старик-продавец и улыбнулся.

И тут Андрей, сам не зная почему, рассказал старику о том, как весь вечер искал мимозы и как ему хочется обязательно купить их жене.

— Понимаю вас, очень понимаю, — сказал старик. — Многие современные молодые люди думают, что цветы — это не подарок, а женщины совсем так не думают. Они знают, что цветы могут многое сказать.

Андрей решил тут же идти дальше и найти Клавины любимые цветы, но вдруг услышал:

— Молодой человек, можно вас на минуту? У меня есть один букет, я оставил его для дочери. Но я вижу, что вам очень нужны цветы. А дочери муж купит мимозы. Это его дело. Правильно я говорю?

— Еще как правильно! — радостно сказал Андрей, готовый поцеловать старика. Гордый и счастливыйехал Андрей домой. В руках у него был букет мимоз, о которых мечтала Клава.

Text 22

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ВЕРНОСТЬ

Áлла ждала почтальона. Но почтальон, как и вчера, дал ей только свежую газету и сказал, что писем нет. Раньше Владымир очень часто писал ей письма, а потом вдруг перестал писать. На свой письма Алла не получала отвёта уже два месяца.

Владымир Ершов был моряком. Корабль, на котором плывал Владымир, стоял в порту. Моряки готовились выйти в Атлантический океан. Вдруг в машинном отделении начался пожар. Там был только механик, Фёдор Иванов. В первую минуту он не знал, что делать. А потом быстро начал тушить пожар. В этот момент в машинное отделение вошёл Владымир Ершов. Он быстро понял, что произошло, и тоже начал тушить пожар. Огонь обжигал руки и лицо, но моряк настойчиво продолжал тушить пожар. В это время на помощь прибежали другие моряки. Вместе они быстро потушили пожар. Но Владымир потерял сознание, так как он получил большие ожоги.

Два месяца Владымир лежал в больнице. Два месяца он не писал Алле — девушки, которую очень любил и с которой мечтал встретиться. Он несколько раз начинал писать ей письмо, но снова смотрел на своё изуродованное лицо в зеркало и рвал письмо.

Владымир хотел поговорить об этом с кем-нибудь, но никак не мог начать разговор. Однажды он решил поговорить с врачом. Врач был опытным специалистом и хорошим человечком.

Два часа говорили они: умный, много видевший в жизни человек и двадцатичетырёхлетний юноша. Врач хорошо понимал Владымира. Он сказал: «Она тебя любит, Владымир. И ты должен обязательно написать ей обо всём, что случалось с тобой».

После разговора с врачом Владымир сел писать письмо Алле. Но в это время к нему пришёл его друг — механик Фёдор Иванов. Он часто приходил к Владымиру и рассказывал ему, как моряки готовились к рейсу, какие новости на корабль.

Фёдор давно дружил с Владымиром. Он знал, что у Владымира есть девушка, которую он очень любит. Случайно Фёдор узнал, что Владымир не отвечает девушке на письма, что он боится написать ей. Тогда он сам решил написать Алле.

«Дорогая Алла, — писал Фёдор. — Мне трудно рассказать вам о том, что случилось с Владымirem. Владымир — настоящий герой. Если бы не он, корабль мог бы сгореть... Он по-прежнему любит вас и очень хочет встретиться с вами. Я хочу, чтобы вы знали, какой человек ваш Владымир».

Владымир выздоровел, вышел из больницы и снова пошёл работать на свой корабль.

А недавно я встретил Владымира в Мурманске. Рядом с ним шла хорощенькая молодая женщина.

— Познакомьтесь, — сказал он мне. — Моя жена Алла.

— Вы знаете, — сказала она, — у Владымира замечательные друзья, и особенно Фёдор Иванов.

Text 23

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

СЧАСТЛИВЫЙ ГУСЬ

По професии я математик, читáю лекции в институте. Мне тридцать шесть лет. То, о чём я хочу вам рассказать, началось с новогодней ёлки. Кто-то из друзей посоветовал мне: «Забудь на один день свою математику, купи ёлку, зажарь гуся и пригласи в гости милую твоему сердцу девушку. Твой дом сразу станет уютным». Я подумал и решил так и сделать. Начал я с того, что пошёл на рынок и купил двух больших живых гусей. Старик, который продавал гусей, посоветовал мне купить обязательно оба, так как, по его словам, это была очень дружная семья, и разрушать её было просто некрасиво. Выходя с рынка, я, к счастью, увидел такси. Всю дорогу гуси громко кричали.

Приехав домой, я закрыл гусей в кухне и только тогда понял, какую ошибку я сделал: ведь нельзя зажарить живых гусей. Я не знал, что мне с ними делать, и решил пойти к соседке Тете Любе.

Я попросил её зажарить мне одного гуся, а другого взять себе.

Вечером Тете Любе принесла гуся в кастрюле и сказала:

— Вот ваш гусь. Поставьте его на слабый огонь, и через полчаса он будет совсем готов.

Я поблагодарил Тетю Любу и поехал покупать ёлку.

Ёлку я привез домой только вечером. Долго думал, где её лучше поставить, и решил поставить около окна.

Ёлка была очень высокая, поэтому, когда я вошёл с ней в комнату, на голову мне упал плафон с люстры, которую я зацепил веткой.

Я сел, чтобы отдохнуть и подумать, что делать дальше. На пол ёлку нельзя ставить: она упадёт. Нужно ведро с водой. Тогда ёлка будет стоять долго. Я принес из кухни ведро с водой, поставил его на пол. Теперь нужно было поставить ёлку в ведро. Наверное, я так бы и сделал, если бы не потерял очки. Когда я поднял ёлку, одна ветка зацепила мои очки и они упали на пол. Тогда, держа в руках ёлку и закрыв глаза, я высоко поднял ногу и сделал шаг вперёд. Я попал в самый центр ведра, правда, не ёлкой, а ногой.

Когда я вытирал пол под столом, я нашёл там свой очки. Это было прекрасно! Я принес второе ведро с водой. Теперь поставить ёлку в ведро было делом одной минуты. Ёлка стояла в ведре, но её нужно было держать. Я не подумал о том, что её нужно привязать. Два метра верёвки спасли бы положение, но верёвка лежала на кухне. Чтобы взять её, нужно было пойти туда. А это было невозможно, потому что я держал ёлку. Пришлось взять ёлку из ведра и положить её на пол. На этот раз мне повезло, потому что упавший плафон теперь в меня не попал. Когда я пришёл на кухню за верёвкой, я решил, что уже пора поставить кастрюлю с гусем на слабый огонь. Я так и сделал. Через час ёлка стояла в ведре. На её ветках висели красивые стеклянные игрушки. Итак, в комнате стояла новогодняя ёлка, на столе были вино и фрукты, и мне оставалось только... Впрочем, подождите.

В соседней квартире жила одна молодая женщина. Скажу откровенно, мне нравилась эта женщина. Её я и хотел пригласить на свою ёлку. Но только не знал, как это сделать.

Неожиданно в дверь позвонили. Я открыл. Это была она, моя соседка.

— Дорогóй сосéд, — сказáла онá, — что у вас случíлось? Я сейчáс посмотрéла в окнó и вижу...

— Что?

— У вас из окнá идёт дым.

Вы, конéчно, пónяли, что случíлось, это горéл мой гусь. Мой бéдный, дорогóй гусь, котóрый принёс мне счастье... Мы встрéтили Нóвый год вмéсте с сосéдкой. В февралé мы пожени́лись. Онá биóлог, а я, как вы ужé знаете, матемáтик. Мы вмéсте, и мы сча́стливы. Если вы придёте к нам в гóсти, мы бúдем рáды. Мы выпéем винá и угостíм вас нáшим любíмым жáреным гúсем.

Text 24

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

СЫН ЛЁТЧИКА

Воло́дя жил с ма́мой в небольшом го́роде. О́коло го́рода был аэро́дро́м, на ко́тором испытывали но́вые самолёты.

В го́роде жи́ло много лётчиков. Воло́дя ча́сто спра́шивал ма́му: «Почему́ самолёт лети́т? Почему́ он не па́дает?» Он оче́нь люби́л задава́ть вопро́сы, и ча́сто да́же ма́ма не могла́ отве́тить на них.

Однáжды он спроси́л:

— Ма́ма, а где мой пáпа?

Он ду́мал, что ма́ме совсéм не трúдно отве́тить на э́тот вопро́с. Но ма́ма молчáла. «Подумает и отве́тит, подождú», — реши́л Воло́дя. Но ма́ма так и не отве́тила на вопро́с сына.

У всех ма́льчиков, живу́щих в егó дóме, бы́ли пáпы, и Воло́дя реши́л, что у него́ тóже долЖен быть пáпа. «Интерéсно, пáпа приде́т пешкóм и́ли приéдет на автобусе, — ду́мал Воло́дя. — Нет, он приле́т на самолёте, ведь он лётчик». В го́роде почтý у всех детéй пáпы бы́ли лётчиками.

Была́ весна́, на у́лицах стоя́ла водá, и все ма́льчики дéлали корáблики.

— Ма́ма, сдéлай мне корáблик, — попроси́л однáжды Воло́дя.

— Как? Я не умéю.

— А вот кусóк дéрева. Е́сли бы ты разрешáла мне взять нож, я сам сдéлал бы корáблик, но ведь ты не разрешáешь мне брать нож.

— Ну, давáй твой кусóк дéрева. Я попробую — сказáла ма́ма и взялá нож. Но ма́ма не умéла дéлать корабли́. Онá сказáла:

— Лúчше я куплю́ тебé корáбль в магазíне.

— Нет, ма́ма, я не хочу́ корáбль из магазíна.

— Ты же ви́дишь, я не умéю дéлать корабли́. Мой корáбль некрасíвый.

— Ничегó, — сказál Воло́дя и взял кусóк дéрева, ко́торый долЖен был стать кораблём. Э́тот корáбль помóг Воло́де найти́ пáпу. Месяц назáд в кварти́ру напрóтив приéхал но́вый сосéд — лётчик. Воло́дя почтý не ви́дел егó, потому́ что сосéд всé вре́мя был на аэро́дро́ме, приходи́л оче́нь поздно. Но однáжды Воло́дя заболéл и не пошёл в дéтский сад. Утром он вы́шел в коридóр и уви́дел сосéда Сергея Ива́новича.

— Здра́вству́й, брат! — сказál Сергей Ива́нович.

— Здра́вству́й, — отве́тил Воло́дя. Он пóднял гóлову и внимáтельно посмотрéл на сосéда. Лётчик понра́вился емú. Он был высóкий, у него́ бы́ли весёлы́е глазá и красíвые, чёрные вóлосы.

— Как тебе́ зовут?

— Воло́дя.

— Почему́ ты оди́н здесь? — спроси́л Сергей Ива́нович.

— Я гуляю.

— В коридóре? А почему́ не идёшь в дéтский сад?

— Я болéю. У менá болйт гóрло.

— А что, много гулял, когда́ бы́ло хóлодно?

— Нет, я снег ел.

— Понятно.

Сергéй Ивáнович уви́дел, что Волóдя дéржит в рукáх кусóк дéрева.

— Что э́то у тебе́?

— Корáбль.

— Какóй же э́то корáбль? Э́то кусóк дéрева. Давáй, я тебе́ настóящий корáбль сдéлаю.

Он взял небольшóй нож и бы́стро сдéлал корáбль. Какóй э́то был корáбль!

Красíвый, бéлый, как настóящий. Все мáльчики просíли Волóдю показáть корáбль. Волóдя был óчень довóлен.

— Кто э́то тебе́ такóй корáбль сdéлал? — спросíл один мáльчик.

Волóдя немнóго помолчáл, а потóм решítельно сказáл:

— Пáпа!

— Непráвда, — сказáл мáльчик. — У тебе́ нет пáпы.

— Тepéрь есть. Он приéхал. Он сdéлал мне э́тот корáбль и сdéлает ещё мнóго игрúшек.

Вéчером мáма уви́дела корáбль. Онá поднялá егó с пóла, внимáтельно осмотрéла и спросíла:

— Отку́да у тебе́ такóй красíвый корáбль?

— Пáпа сdéлал, — сказáл Волóдя.

— Пáпа? — с удивлéнием спросíла мáма. — Какóй пáпа? У тебе́ нет пáпы...

— Как же нет пáпы? Есть! Ведь дáже у дéвочек есть пáпы, а я мáльчик.

Мáма вдруг замолчáла. На неё смотрéли стрóгие глазá сына. И онá понялá, что у её мáленького сына решítельный хáráктер, и он не отkáжется от пáпы, е́сли решíл, что он у нégó есть.

А Сергéй Ивáнович не знал, что сdéлал егó корáбль с сéрдцем мáленького человéка, не знал, что Волóдя решíл сdéлать егó своим отцóм.

Возвращáясь из дéтского сáда, Волóдя спра́шивал: «Пáпа дóма?» Мáманичегó не отвечáла. Тогдá Волóдя шёл и стучáл в дверь Сергéя Ивáновича. Отвéта нé было. Пáпы нé было дóма. Волóдя привыk к тому, что пáпы чáсто нé было дóма. Однáжды Волóдя тяжелó заболéл. Он опять ел снег. У нégó былá высóкая температúра. Днём óколо нégó сидéла бáбушка из сосéдней квартиры, а вéчером приходíла мáма. Мáма рассkáзывала весёлые скáзки, давáла лекáрство и чáсто спра́шивала: «Головá болít? Что тебе́ дать? Что ты хóчешь?» Но Волóдяничегó не хотéл. Когдá он ел холóдный снег, он не знал, что потóм ему бúдет так жáрко и плохó. Он молчáл. И вдруг мáльчик сказáл:

— Мáма, позови́ пáпу.

Мáма стояла не двígаясь. Сын не вíдел её лицá. Онá моглá мнóгое сdéлать для нégó. Моглá подарить ему́ дорогúю игрúшку, покупáть вку́сные конфéты, моглá отда́ть ему́ своíю жизнь. Но не моглá найти ему́ пáпу.

А Волóдя ждал, когда онá пойдёт и позовёт ему́ пáпу. И онá пошлá к чужóму человéку, чтобы попросить егó нéсколько минút побýть пáпой.

Мáма постучáла в дверь.

Сергéй Ивáнович сидéл за столóм, пил чай и читáл газéту.

— Сергéй Ивáнович, — тýхо сказáла мáма, — мой Волóдя назывáет вас пáпой.

Я не знáю, почему... Он ещё слíшком мáленький...

Мáма говорíла, а сосéд с удивлéнием слúшал её. Он не мог понять, что ему нýжно дéлать.

— А сейчáс, — продолжáла мáма, — он тяжелó бóлен. И он зовёт вас.

Мáма замолчáла. Онá ждалá, что скáжет ей сосéд. А сосéд молчáл. Потóм вдруг бы́стро встал и сказáл мáме:

— Сейчáс идú...

Подойдá к Волóде, Сергéй Ивáнович спросíл:

— Болéешь, брат? Что, опять ел снег?

Волóдя был óчень рад, что пришёл пáпа. Онí начали разговáривать.

— Ты высокó летáешь?

— Высокó, брат, — отвéтил пáпа.

Мáма вышла на кúхню, и онí остáлись однí: сын и отéц. Серéй Ивáнович был одинóким человéком. У негó никогдá не было семéй и детéй. Он немнóго боялся детéй, потому что не знал, как с нíми разговáривать, но с Волóдей он разговáривал легкó и свобóдно. Он дáже попробовал рассказать ему настóящую скáзку о самолётах и лётчиках. Скáзка Волóде понравилась.

Нóвое, незнакóмое чuvство родилóсь в сérдце Серéя Ивáновича, привыкшего быть всегдá с лётчиками и машинами. Он смотрéл на маленького Волóдю и думал: «Бýло бы лúчше, если бы я заболéл, а не он. Тяжелó маленькому».

Бýло ужé поздно, Волóде нужно бýло спать, и Серéй Ивáнович хотéл уйтí. Но Волóдя взял егó за руку и сказал:

— Пáпа, не уходи!

— Тебé ужé порá спать.

— Я бýду спать, а ты не уходи.

— Хорошó, я не уйдú.

Серéй Ивáнович ушёл тóлько тогдá, когда уви́дел, что мáльчик спит.

В те дни, когда пáпа бывал дóма, Волóдя всё вре́мя был у негó. Серéй Ивáнович старáлся выполнять все желáния мáльчика, который так неожиданно стал егó сыном. Однáжды Волóдя попросил: «Приди вéчером в дéтский сад. Мы вмéсте домой пойдём. В субботу обычно все дéти идут домой с пáпами».

Серéй Ивáнович помолчáл немнóго, но потóм сказал:

— Хорошó, приди.

Вéчером онí шли домой вмéсте. Волóдя держал пáпу за руку и гордо смотрéл вокrúg. Серéя Ивáновича многие знали в гóроде и здорóвались с ним. Волóде это нráвилось. Один знакóмый лётчик, поздоровавшись с ним, спросил:

— Сын?

— Да, сын. Идём из дéтского сáда, — отвéтил решítельно Серéй Ивáнович. И онí пошли дáльше. Волóдя был сча́стлив.

Дéтский сад, кудá ходил Волóдя кáждый день, находился на окраине гóрода. А дáльше начинáлось пóле, там, недалеко от гóрода, был аэродróм. Аэродróм жил своéй интересной и опасной жýзнью. Оттуда в нéбо поднимáлись красивые совремéнные самолёты. В них сидéли опытные и смéлые лётчики. Онí испытывали новые машины. Самолёты улетáли и возвращáлись. А аэродróм встречáл и провожáл их. И так кáждый день.

Когда это произошлó, дéти отдыхáли в дéтском саду пóсле обéда. Волóдя тóже спокóйно спал, потому что шум самолёта не мешал спать сыну лётчика.

Волóдя спал, а егó пáпа был в нéбе. Он поднялся óчень высокó, нéбо там ужé не сýнее, а тёмное, звёзды там видны дáже днём. Там нет вóздуха, там трудно дышáть, лётчик работает в специáльном костýме.

Он сдéлал всё, что дóлжен был сдéлать, и услышал по ráдио: «Хорошó! Идите на посадку!» И он пошёл на посадку. Но вдруг он уви́дел, что начал горéть прáвый мотóр. Он передал по ráдио: «Горйт прáвый мотóр. Попробую потушить огóнь».

Он думал, что большáя скóрость помóжет потушить огóнь и напрavил самолёт к землé. Земля быстро приближáлась, но мотóр продолжал горéть. Горячий самолёт начал пáдат. Лётчик не мог управлять самолётом. С землí пришёл приказ: «Прыгай!»

— Не могу, — отвéтил он.

— Почему? Почему? Приказываю! — кричали по радио. Но лётчик молчал. У него не было времени разговаривать. Самолёт падал на окраину города, где находился детский сад. Он слышал приказ по радио, но он молчал. На земле решили, что он погиб. Но он продолжал бороться. Ему нужно было повернуть самолёт так, чтобы он не упал на дом и на детский сад.

Никто не знает, о чём думает человечек в последние минуты жизни. Никто не может сказать, что Серёгей Иванович думал в горящем самолёте о своём сыне. Но дела человечка лучше всего рассказывают о том, что он думал и чувствовал. Он повернулся машину почти совсем около земли. Как? Этого никто не мог объяснить. По всем правилам он не мог повернуть самолёт, но в такие минуты человечек не думает о правилах. Он сделал почти невозможное. Но прыгнуть с самолёта он уже не мог, самолёт был почти около земли.

Володя не сразу узнал о том, что Серёгей Иванович погиб. Он знал, что один самолёт загорелся в воздухе и погиб один смелый, опытный лётчик. Но Володя был маленьким и слово «погиб» он не понимал.

Возвращаясь домой, он, как обычно, стучал в дверь, где жил папа. Сначала Володя не удивлялся, что папы не было дома. Папы и раньше часто не было дома. Но однажды он спросил маму:

— А где папа?

Обычно мама не отвечала на этот вопрос. Но на этот раз она внимательно посмотрела на сына и ответила:

— Твой папа погиб, когда испытывал новый самолёт.

Володя не понял, что значит «погиб». Он спросил:

— А когда он придет?

— Никогда, — сказала мама. Володя не поверили и снова спросил:

— Он уехал или улетел?

— Он погиб, — повторила мама. — Умер. Понимаешь, он никогда больше не придет.

— А как же я? — тихо сказал Володя и уже хотел заплашать, но тут мама сказала:

— Твой папа — герой.

Слово «герой» успокоило мальчика. «Сыну героя нельзя плакать», — решил Володя. И не заплашал.

Скоро Володя с мамой уехал из этого города в Москву к бабушке. Теперь Володя большой, самостоятельный мальчик. Он всё понимает. Он знал своего отца очень недолго, но помнит и любит его. Он часто смотрит на его фотографию, которая висит на стене. Володя совсем не похож на отца. «Но ведь совсем не обязательно, чтобы сын был похож на отца. Главное, чтобы у него был отцовский характер», — думает Володя.

Text 25

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

КОМАНДИРОВКА

Это случилось на севере, в Якутии. Был уже вечер, когда Серёй нашёл наконец машину, которая ехала в Марху. Около небольшого дома стояла грузовая машина, на которой было написано «геологическая».

Был сильный мороз. Серёй долго ходил около машины, ждал шофёра.

Наконец из дома, смеясь и разговаривая, вышли два молодых парня.

— Ребята, вы едете в Марху? — спросил Серёй.

— А что? — парень осматривал машину.

— Может, возьмёте меня?

Серёй сел в кабину. Шофёр, молодой якут, попрощался с другом и сел в кабину рядом с Серёем. Машина поехала.

— Вы геологи? — спросил Серёй шофёра.

— Геологи, — весело ответил якут. — Здесь, в Якутии, нефть нашли! Давай закурим. Меня Ваней зовут, а тебя?

Они закурили и поговорили о Якутске, о его центральных улицах и о белых ночах.

— Ты родился в Якутске? — спросил Иван.

— Нет, в Москву, — ответил Серёй.

— Я там был, — улыбнулся Иван, — учился в геологическом техникуме.

Знаешь, около кинотеатра «Мир»...

— Кинотеатр «Мир» знаю, а вот где там геологический техникум, не знаю.

— Жаль. Я там три года учился.

— А я на Таганской улице родился. Слышал о такой улице?

— Нет, ничего не слышал. А что там?

— Вот как! Жил в Москве и не был на Таганской улице. Там тоже есть большой кинотеатр. Называется «Зенит».

— Ну, теперь буду знать, — засмеялся Иван, а потом сказал:

— А у нас вот нефть нашли недавно.

Иван рассказал о нефти, о газе, о друзьях-геологах. А Серёй думал о Москве.

Она далека — и Москва, и Таганская улица.

— Ты зачём едешь в Марху? — спросил Иван.

— В командировку. Я строитель.

Машину ехала в гору. Серёй хотел спать, он устал сегодня. Ехать нужно было еще километров двадцать. Там, в Мархе, и ночевать можно...

Было совсем темно. Где кончалася берег, где начиналась река, никто не знал.

Вчера не было. Если бы в такой мороз еще и ветер, человек не мог бы здесь жить. Вдруг Иван открыл дверцу. Вода! Откуда она?!

— Эй, парень! — сказал Иван, — не спи. Как бы нам не заехать в воду. Тебе придется выйти из машины и бежать впереди, чтобы показывать мне дорогу, — сказал Иван. — Лед сломался, ничего не видно, а нам нужно проехаться на другой берег.

— Хорошо, — сказал Серёй, хотя ему не хотелось выходить из кабинки.

Вокруг была вода, спокойная и черная. Впереди был виден берег. Серёй почувствовал, что ноги сразу стали мокрыми... «Если промокну, то заболею», — сказал он себе и побежал вперед искать дорогу. Вдруг он услышал, как позади

затрещал лёд. Он оглянулся и увидел, что лёд под машиной треснул, машина встала на дыбы и через минуту исчезла в воде. Он только услышал сильный вздох, и потом всё стало тихо.

Так тихо, что с ума сойти можно. Какую-то минуту Сергея не знал, что делать. И в это время услышал: «Помоги!»

— Ваня! — Это был он. Сергей упал на лёд и подал ему руку. Иван схватил эту руку. Потом они долго стояли на снегу и все никак не могли прийти в себя.

Иван снял мокрую одежду. Сергей дал ему свою теплую рубашку. Потом они побежали по дорожке.

— Плохо, — говорил якут. — Не добежим. Дома будут только километров через десять.

— Ничего, — ответил Сергей, — за два часа добежим.

— Нет, — сказал Иван. — Мороз. Умрем мы.

«Умереть? — подумал Сергей. — Нет, этого не может быть».

Они бежали по дорожке и боялись только одного — остановиться. Дорога, лес, потом опять лес... А где же домашние, люди? Голова тяжелая. Голова совсем не холодно.

Даже жарко, как летом.

Иван вдруг сел на дорогу: «Не могу идти».

— Нет, нет, — сказал Сергей. — Надо идти.

Но якут молчал, закрыв глаза. Сергей положил его на спину и, не останавливаясь, тащил метров двести, потом еще двести... И еще.

Долго стоял около дерева. Ногам было холодно, рукам тоже. Чёрная ночь. Нет луны.

Одни звезды, от них еще холоднее.

Сергей долго смотрел в лицо Ивана.

— Не бросай меня, — вдруг сказал Иван.

— Ты что говоришь! — Сергей снова положил его на спину и пошел по дорожке.

Он нес и нес тяжелого якута, в глазах было темно. Иван ничего не говорил.

Кажется, потерял сознание. Сергей вдруг подумал: вдвоем им не дойти.

Осталось пять километров, а там жизнь. Нет, нет! Должна же когда-нибудь кончиться ночь, и по дороге пойдут машины! Только бы не уснуть. Нужно просто отдохнуть немножко. А потом опять идти дальше. Идти. И Сергей снова вставал. Он не чувствовал ни рук, ни ног. Он шел уже совсем в другую сторону, так как давно потерял дорогу, но не знал об этом.

Он думал совсем о другом. Была ли когда-нибудь весна — вот что его интересовало!

И было ли тепло когда-нибудь? И была ли другая жизнь? Сергей шел и тащил на спине якута. Потом Сергей потерял сознание и уже ничего не помнил...

Как его спасли, Сергей помнил плохо. Помнил только, что глаза закрыты и никак не мог открыть их. В больницу их привезли якуты, которые утром ехали в Марху.

Три дня у него была температура около сорока. Потом все прошло. Вот только на лице остались еще чёрные пятна.

А парень-якут тоже выздоровел. У него воспаление легких было. Но ничего.

Врачи его быстро вылечили.

Text 26

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ПРИВÉТ ОТ ДÍМКИ

Говорят, в каждом человёке есть что-то главное. Иногда это главное можно определить очень легко. В одном человёке главное — мысль, в другом — доброта, в третьем — мужество. Так вот, если говорить о Димке, то главное в нём — ревность. Смешно, но это так.

Мы знали, что в Москвे живёт какая-то необыкновенная девушка, которую зовут Лариса, и Димка ужे давно её любит. Но когда однажды я спросил у Димки об этой Ларисе, в ответ я услышал, что мне лучше заняться вопросами научного прогресса.

Теперь, когда вы немного знаете о Димкином характере, я расскажу вам, что у нас недавно произошло. Однажды в апреле я сказал Димке: — Я еду в командировку. — Далеко? — В Москву. — Надолго? — На неделю. Если нужно, могу выполнить нетрудное поручение.

— Что ты хочешь сказать?

— Могу передать привёт твоей знакомой и букет цветов от тебя. Димка посмотрел на меня, как бык на матадора, и холодно сказал: — Спасибо, я подумаю... Мне кажется, что это не обязательно. Димка продолжал думать, потом вздохнул и спокойно сказал:

— Хорошо, Женя. Я решу этот вопрос завтра.

— Ладно. Завтра так завтра.

На следующий день Димка сказал:

— Женя, я знаю, что ты скромный и порядочный человёк.

— Старик, не доводи меня до слёз.

— Я не шучу. Я в этом уверен, поэтому решил дать тебе такое поручение. Вот адрес института, где она работает, и деньги на цветы...

— Ты не бойсяся, что я их растратчу?

— Нет, этого я не боюсь.

Димка подчеркнул слово «этого», и я понял, что боится он другого.

— Купишь букет цветов, приедешь к ней на работу, передашь цветы и уйдёшь.

— Сказать, от кого цветы?

— Она поймёт, от кого.

— И это всё?

Димка молчал. Видно было, что он хотел сказать мне что-то ещё, но почему-то не решался. Я ждал. Димка немножко волновался.

— Женя... Ты понимаешь... Только тебе я могу рассказать об этой тайне, или... об одной особенности характера Ларисы...

Я закурнул и ждал, что будет дальше.

— Я хочу, чтобы ты один это знал. И никто другой... Дело в том, что у Ларисы небольшие странныности. Она не любит, когда слишком просто говорят. Она любит сложную, немного запутанную речь.

— Я не совсем понимаю тебя...

— Как бы тебе объяснить? Ну, если, к примеру, на вопрос: «Откуда вы приехали?» — ты ей прimitивно отвётишь: «Из Новосибирска», — Лариса, конечно, поймёт тебя, но сразу потеряет к тебе интерес. Она будет вежливо молчать. И всё.

— А что же я должен отвѣтить?

— Жéня, ты интеллигéнтий молодоý человéк. Не мне тебе учить. Пóмни однó: чем сложnее бúдет твоý речь, тем большего успéха ты достíгнешь.

— Стрáнно, что ты дóумаешь о моём успéхе в этой ситуáции, — сказáл я и пожáл плечáми.

С Дáмкой чtó-то случáлось, инáче он никогdá не разрешáл бы мне передáть цветы дéвшке. Я пónял, что во врéмя свидáния с Ларíсой я дóжен бúду выражáть свой мыíсли инáче, чем я привýк этo дéлать.

Когдаý я приéхал в Москvú, весь пéрвый день я провёл в Акадéмии. Тóлько на слéдующий день я позвонíл Ларíсе и сказáл, что приду к ней в инститút. Я приéхал тудá на такси. Был обéденный перерыв. Мы встрéтились внизу.

Когдаý она, стрóйная и красíвая, в бéлом халáте, подошлá ко мне, я пéредал ей букéт кráсных роз.

— Спасáбо, — сказáла Ларíса.—Садíтесь, пожáлуиста...

— Привéт вам из Новосибíрска, — сказáл я и сел в кréспло.

— Какие красíвые рóзы! — сказáла Ларíса, и тогдá я вспóмнил словá Дýмки и решíл дéйствовать.

— Всё, что растёт, Ларíса, и стремítся навстрéчу сóлнцу, мóжет ráдоваться дúшу... Ларíса внимáтельно посмотрéла на менá.

— Да-да, — сказáла она и при этoм почемý-то оглянúлась.

— В цветáх, как и во всём живóм, есть чtó-то всегdá нóвое, что волнуét... и ráдуется...

Я бóялся, что сказáл недостáточно слóжно и красíво, поéтому решíл продолжáть. Когдаý я произнёс нóвую длánную и запутáнную фráзу, Ларíса тороплýво согласýлась со мной и опять почемý-то оглянúлась.

— Всё в жíзни приhóдит к хорóшему концú... Сáмое глáвное для человéка — здорóвье... Тогдá он вéсел и энергíчен...— сказáла она.

— Да, — согласýлся я и добавил, — когдаý человéк мечтáет, у него вырастáют крýлья. И в результаte он чuvствует, что летít...

— Это прáвда, — сказáла Ларíса. — Я с вáми совершénно соглásна. Я тóже дúмала об этoм... Извинíте, ужé кончáется перерыв...

— Да, — добавил я, — и сно́ва вéчное движéние!..

Она бы́стро и немnóго нéрвно пожáла мне róку и ушлá. Почти убежáла. Я посмотрéл ей вслед. Красíвая и стрáнная. «Бéдный Дýмка, — подумал я, — с ней емý бúдет очень не прóсто».

Утром я позвонíл ей из гостáницы на рабóту узнáть, не хóчет ли она передáть чtó- нибудь Дýмке.

— Зdráвствуите, — сказáл я. — С вáми говорít тот, кто вчera передавáл вам привéт из Новосибíрска.

— Я вас узнáла, — отвéтила Ларíса. — Дéло в том, что у нас сейчáс начинáется конферéнция. А потóм я уезжáю. Чéрез час...

— Кудá? — спросíл я. — Тудá, где исчезáет лíния горизóнта?

— Да... Я éду в этот... в Сарáтов, — отвéтила Ларíса. — Всегó хорóшего. Бúдьте здорóвы!..

И она положíла трúбку. Бóльше я её не вíдел и не говорíл с ней.

Вернúвшись из Москvú, я, конéчно, срáзу пошёл к Дýмке. Он лежáл и читáл журнáл.

— Зdráвствуйт!—сказáл я.

— Зdráвствуйт!—сказáл Дýмка. — С приéздом.

— Большóй привéт тебé от Ларíсы. Она прекрасно выглядит. Она уéхала в Сарáтов.

— Зачéм?

— Не знаю. Я дáже не успéл спросить...

— А почемú ты замолчáл? — спросил Дýмка. — Расскажи́ поподробней о Ларíсе.

— Ты понима́ешь, Дýмка, мне тру́дно рассказа́ть о ней поподробней... Я замéтил, что она́ краси́вая. И ми́лай. Но...

— Что «но»?.. Что?

— Она́ действи́тельно оче́нь стрáнная. У неё оче́нь гру́стные и немнóго растéрянны́е глазá... Дýма, скажи́ мне, ты, навéрное, зна́ешь, что её сдéлало такóй?..

Дýмка отвéтил не сра́зу. Он посмотréл в окнó. Я не вíдел егó лицá, но вíдел, что ему́ тру́дно. Потóм он сказál:

— Ты спра́шиваешь, Жéня, что её сдéлало такóй? Я тебе́ могу́ сказа́ть. Такóй её сдéлал оди́н телефóнный разгово́р.

— Какóй телефóнный разгово́р?

— Мой. Я позвонíл ей, когдá ты поéхал в Москву́.

С э́тими словáми он упáл на дивáн и закры́л лицó рукáми. Но и тогдá я ничегó не пóнял. Я пóнял всё тóлько тогдá, когдá Дýмка рассказа́л всем о своём телефóнном разгово́ре с Ларíсой.

Вы зна́ете, что он ей сказál?

Он ей сказál: «Ларíса, к тебе́ приéдет мой това́рищ, который передáст тебе́ привéт. Я звоню́, чтобы предупреди́ть тебе́. Жéня — хоро́ший человéк, но он не совсéм здорóв. Он немнóго стрáнны́й и любит говори́ть слóжно и непонятно. Ты не обраща́й внимáния на э́то, сдéлай вид, что всё понима́ешь. Тогдá он успокóится и уйдёт». Тепéрь вы понима́ете, почемú у девушки бýли гру́стные и немнóго растéрянны́е глазá. А оглýдывалась она́ всё врёмя потому́, что боя́лась, что я могу́ сдéлать что́-нибу́дь необыкновéнное.

Вы, конéчно, понима́ете, почемú я тепéрь отка́зываюсь выполнять такíе поручéния, когдá ёду в Москву́.

Text 27

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

СÁМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Учительница Валентíна Геóргиевна сказáла:

— Зáвтра начинáются зýмние каникулы. Я дўмаю, что кáждый ваш день бўдет очень счастливым. Вас ждут выíставки и музéи! Но бўдет и какóй-то сáмый счастливый день. Я в этом увёrena! Вот о нём напишите домáшнее сочинéние. Лúчшую рабóту я прочитáю всему клáссу! Я замéтил: Валентíна Геóргиевна любит, чтобы мы всегдá писáли о чём-нибудь «сáмом»: «Мой сáмый хоро́ший друг», «Моя сáмая любíмая кни́га», «Мой сáмый счастли́вый день». А в ночь под Нóвый год ма́ма с пáпой поссорились. Я не знаю из-за чегó, потому что Нóвый год они встречáли гдé-то у знакóмых и вернúлись домóй очень поздно. А утром не разговáривали друг с дру́гом. Это хóже всегó! Уж лúчше бы поговорíли, поспорили и помирíлись. А то хóдят и разговáривают кák-то осóбенно тýхо, будтоничé не случíлось. Но я - то в таких слúчаях всегдá чúвствую: чтó-то случáлось, а когдá кónчится то, что случáлось, не поймёшь: они же друг с дру́гом не разговáривают.

Когда ма́ма и пáпа ссóрятся, я всегдá очень переживáю. Хотя в эти дни я могú получáть от них всё, что хочу. Например, когда я решíл не ходить на ёлку, пáпа сráзу предложил мне пойти в планетáрий. А ма́ма сказáла, что с удовóльствием пойдёт со мной на катóк.

Пáпа и ма́ма хотéли показáть, что их ссóра менá не касáется. Но это касáлось и менá тóже. Да же очень.

Учительница Валентíна Геóргиевна былá увёrena, что кáждый день моих зýмних каникул бўдет очень счастливым. Но прошлó ужé пять дней, а счастья всё нé было. «Отвыкнут разговáривать друг с дру́гом, — дўмал я. — А потóм...» Мне становíлось страшно. И я твёрдо решíл помирить ма́му с пáпой!

Действовать нúжно было быстро. Но как?

Я гдé-то читál или слы́шал по радио, что радость и горе объединяют людéй. Конéчно, обрадовать человéка, сдéлать его счастливым труднéе, чем испóртить ему настроение. Но я решíл начáть с радости.

Если бы я ходíл в школу, то сдéлал бы невозмóжное: получíл бы «четвёрку» по геомéтрии! Учительница матемáтики сказáла, что я совсéм не способен к матемáтике и да же написáла об этом письмо пáпе. А я вдруг приношу «четвёрку»! Ма́ма с пáпой целу́ют менá, а потóм и сáми целу́ются. Но это невозмóжно, ведь сейчас каникулы. Тогда я решíл убрáть квартиру. Но когда мой родíтели вернúлись вéчером домóй, они не замéтили, что пол был чýстый, но сráзу уви́дели, что я был грáзный.

— Дéлал убóрку! — сказáл я.

— Очень хорошо, что ты помогáешь ма́ме, — сказáл пáпа, не глядя на ма́му. А ма́ма поцеловáла менá и поглáдила по головé.

На слéдующий день я, хотя были каникулы, встал в семь утра, включáл радио и стал дéлать гимнастику, чегó рáньше никогдá не дéлал.

— Отцú тóже хорошо бы этíм занéться, — сказáла ма́ма, не глядя на пáпу. А пáпа поглáдил менá по головé. Я чуть не заплáкал.

Нет, рáдость их не объединяла. Не примиряла. И тогдá я решíл объединить их при помощи góря. Конéчно, лúчше всегó было бы заболéть. Я готов был все каникулы пролежа́ть в постéли и принимáть любóе лекáрство, тóлько бы мой родíтели сно́ва заговори́ли друг с дру́гом. Сáмое лúчшее — сдéлать вид, что я заболéл. Но, к сожалéнию, на свéте есть гráдусники и врачи.

Оставáлось тóлько убежа́ть из дóма. В тот же день я сказáл вéчером: «Пойду к Жéньке.

По вáжному дéлу!» Жéнька — это мой друг.

— Ты надóлго? — спроси́л пáпа.

— Нет, минút на двáдцать. Не бóльше! — отвéтил я. И поцеловáл пáпу. Потóм я поцеловáл мáму так, как бúдто уезжал на фронт и́ли на Сéверный полюс. Мáма и пáпа посмотрéли друг на дру́га. Это было ещё не góре, но ужé тревóга Я пошёл к Жéньке.

Мой друг любíл всякие секréты. Он óчень обра́довался, когда узна́л, что я убежáл из дóма.

— Кáждые пять минút ты бúдешь звонíть моím родíтелям, — сказáл я, — и бúдешь говорить, что óчень ждёшь менé; а я ещё не пришёл. Понимáешь? Покá не почувствуешь, что онí схóдят с умá от тревóги.

— А за чéм éто? А?

Но разве я мог рассказать об этом дáже Жéньке? Жéнька нача́л звонíть.

Подходíли то мáма, то пáпа. Но по́сле пятого Жéнькиного звонка и мáма, и пáпа ужé не отходíли от телефóна.

— Он ещё не пришёл? — спра́шивала мáма. — Не мóжет быть! Зна́чит, чтó-то случíлось!

Мне было жáлко мáму и пáпу. Особенno мáму, пáпы всегdá бывáют спокóйнее. А мáма... Но я спаса́л на́шу семью! И нúжно было забыть о жáлости!

В э́то врéмя опять позвони́ла мáма.

— Что онá сказáла? — спроси́л я у Жéньки.

— Мы схóдим с умá! — рáдостно сказáл Жéнька.

— Онá сказáла: «Мы схóдим...»? Мы? Ты э́то тóчно помнишь?

— Ну, конéчно!

Я побежáл домóй! Я тýхо откры́л дверь своим ключом и тýхо вошёл в кóмнату. Мáма и пáпа сидéли óколо телефóна блéдные и смотрéли друг дру́гу в глазá... онí страдáли вмéсте. Это было прекрасно! Вдруг онí увидели менé, стáли целовáть и обнимáть сначáла менé, потóм друг дру́га. Это и был сáмый счастли́вый день моих каникул.

На слéдующий день я сел писа́ть сочинéние. Я написа́л, что сáмый счастли́вый день был тот, когда я ходíл в Третьяковскую галерéю. Не мог же я написа́ть о мáме и пáпе...

Text 28

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

ДÁЛЬНИЙ РÓДСТВЕНИК

Если телефон звонит ночью, это почти всегда очень плохо: чтобы сообщить что-нибудь хорошее, можно подождать до утра!

Когда папе звонят ночью из больницы, я сразу понимаю, что кому-то из папиных больных плохо. Ну, а когда папа быстро одевается, забывая надеть пиджак или галстук, и уезжает, тогда и мы с мамой не спим до утра.

Но иногда ночью раздаются то очень длинные звонки, то очень короткие. Это из других городов: бывшие папины пациенты или его бывшие друзья по институту. Папа разговаривает с ними так, как будто у нас дома еще не ложились спать.

Мама удивляется, а папа объясняет:

— Они знают, что в это время человек обычно бывает дома. Разве можно их осуждать?

Иногда во время таких звонков выясняется, что папин знакомый хочет приехать в наш город.

— Вот и хорошо, — говорит в таких случаях папа. — Прямо с вокзала — к нам!

— Странные люди! — замечает мама. — Хотя бы для вида отказались. Ведь есть же гостиницы...

— Но ведь каждому хочется побывать среди близких людей. Бабушка на следующий день начинает воспитывать папу. Но делает это, как обычно, по-своему.

— Муж моей соседки, — говорит она, — никогда ничего не решает без жены. И папа должен понять, что он тоже должен всегда совещаться с мамой.

Однажды ночью опять раздались длинные звонки и через минуту папа уже говорил в трубку:

— Ну что за вопрос?! Пусть приезжает. Остановится у нас. Я покажу его специалистам. Устроим консилиум, если будет нужно.

А положив трубку, объяснил маме:

— У её сына что-то очень серьёзное...

— А что, у них в городе нет врачей?

— Это маленький городок. Там нет крупных специалистов.

— Обязательно нужны крупные?

— Вот если бы он заболел, — папа показал на меня, — ты бы тоже плакала в трубку: «Посмотрите моего мальчика!» Разве её можно осуждать?

Мама ничего не сказала. Утром она спросила:

— А кто эта женщина... которая звонила тебе?

— Дальная родственница.

— Очень дальняя?

— Кажется, очень. Но какое это имеет значение, если её мальчик серьёзно болен? «Мальчик» приехал через три дня.

Это был мужчина лет тридцати.

— Извините меня, пожалуйста, — сказал он. — Я никогда бы не приехал к вам, если бы врачи не сказали матери про этот свой «предполагаемый диагноз».

Теперь она не будет ни спать, ни есть.

— А что у вас... предполагают? — спросила мама. — Какую болезнь?

— Ту самую, — ответил наш дальний родственник, которого звали Игнатий.

— Каку... ту сáмую? — не понялá мáма.

Ну, котóрая неизвéстно от чегó начинáется, затó извéстно чем обýчно кончáется.

— Почемý? — сказáла бáбушка. — В этой óбласти мнóго открытий!

— Да, конéчно! — грóмко сказál пáпа, хотя всегdá говорít тíхо. А когда бáбушка начинáла говорить о медицине, всегdá уходíл покурить в коридóр. Сейчáс он остáлся в кóмнате.

Бáбушка никогdá не болéла, но очень боялась, что ктó-нибудь из её близких заболéет. Онá очень любíла читáть «Совéты врача», которые печáтались в разных газéтах. Игнатию онá сказáла:

— Вы совсéм не похóжи на больного той болéзнью, котóрую у вас предполагáют. Тróе мойx знакóмых были больны éтим сáмым. Им сдéлали оперáцию, и всё замечáтельно!

— А откуда вы знаете о «предполагáемом диáгнозе»? — спросíл пáпа.

— Врачи кák-то заволновáлись, стáли говорить, что нетничéго серьёзного, хотя я-то не волновáлся. Но потóм онí зачéм-то сказáли мáтери. Вот тут я рассердíлся. Зачéм было ей говорить?

— Онí были прáвы, — сказál пáпа. — Онí должны сообщáть рódственникам.

— Но онí же не рódственникам сообщíли, а мáтери! — сказál Игнатий. — Поэтуому я и приéхал, чтобы успокóить её. Понимáете? Мáма одná воспитывала менé... без отца. Ей было очень трúдно. И мы всё считáли: «Ещё два гóда в шкóле, потóм пять лет в инститúте. Всего семы!» Наконéц я инститúт окónчил, начал рабóтать, и вдруг эта болéзнь. Рáзве это возмóжно? Мать ждалá стóлько лет. Наконéц дождалáсь, —а я ей такóй подáрок! Онá вся почернéла. Скорéй бы дать телегráмму: «Всё в порýдке. Скóро бúду дóма».

На слéдующий день рано úтром пáпа и Игнатий поéхали в какóй-то инститúт, а оттúда к пáпе в больничу.

— Вéчером, вы узнаете о результаxах, — сказál нам пáпа.

— Нет, позвонí мне на рабóту, — сказáла мáма. — Если я выйду из кóмнаты, передáй: «Всё хорошó!»

— Или: «Всё плохó!» — бóдро сказál Игнатий.

— Этого не бúдет! — сказáла мáма.—Я уверена...

Игнатий всё врéмя улыбáлся — я пóнял, что он волнуется.

— Мне тóже сообщíте, пожáлуйста, — попросíл я. Пáпа обещáл.

Пóсле пáтого урóка у менé был фотокружóк, но я не остáлся.

Бáбушка обýчно прихóдит помогáть мáме по вечерáм. А тут пришлá днём.

Дóма у бáбушки телефóна нет. И поэтуому по вечерáм, когда она прихóдит помогáть мáме, у нас всё врéмя зáнят телефóн. Но в тот день бáбушка никому не звонíла. Онá ждалá. И я ждал.

Наконéц мы дождались: позвонíл пáпа. Бáбушка повторяла мне кáждую пáпину фрáзу:

— Этого у Игнатия нет. Тóчно установíли. Он болен серьёзно. Нáдо дéлать слóжную оперáцию. Но этого нет!

— Сláва бóгу, — сказáла бáбушка. Пошлá в кóмнату и леглá на дивáн. Вид у неё был очень устáлый. И я тóже kák-то сráзу устáл.

Но когда чéрез полчасá раздалíсь длíнные звонкí, я бróсился к телефóну.

— Это городóк, где живёт Игнатий, — сообщíл я бáбушке. — Просíли не класть трúбку и ждать. Я пéрвый скажú егó мáтери... Пéрвый!

— А сын моéй сосéдки всегdá уступáет стárшим.

Я дóлжен был понять, что трúбку нýжно отдаТЬ бáбушке. Но я не отдал, а бáбушка с дивáна не встáла, а тóлько стáла внимáтельно слúшать.

— Он бўдёт жив и здорово! — крикнул я в трубку. — Этого у него нет. Точно установили! Этого нет.

Мать Игнтия заплакала на другом конце провода. Тогда я радостно закричал:

— Он серьезно болен! Ему будут делать сложную операцию! Но этого нет. Не волнуйтесь. Он будет жив и здорово!

В школе мы часто пишем сочинения на тему «Кем быть?» Один раз я написал, что мне хочется стать геологом, в другой раз, что хочется стать биологом, а в третий, что космонавтом, но на самом деле я еще не выбрал профессии. И в тот день я не знал, кем хочу стать. «Но как это хорошо,—думал я,— выйти из операционной, увидеть глаза матери, которые остановились от страха и ожидания, устало улыбнуться и сказать: «Он будет жив... и здорово. Не волнуйтесь. Он будет жив!»

Text 29

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

НОВОСЁЛЫ

Дом был готов. В первое же воскресенье к дому подъехала грузовая машина, в ней были шкафы, стулья и диваны, рядом с шофером сидела восьмилетняя девочка, а в самой машине — сестры Левашовы, Женя и Юля, дочери корреспондента одной из московских газет. Это было интересно и в то же время тревожно — началась новая жизнь, в новом районе, и уже через день нужно идти не в старую, знакомую школу, а в новую, только недавно построенную здесь; неизвестно, какие будут учителя и подруги. Старые подруги и учителя остались где-то далеко, как будто в другом городе.

Александр Иванович Левашов получил квартиру в новом доме одним из первых. Их старый дом должны были скоро снести, поэтому Левашов в первое же воскресенье переехал с семьей в новый дом.

Но почему-то жене Левашова Елене Николаевне было грустно, и она сама не знала, почему, хотя у неё была теперь большая квартира в новом доме.

— Знаешь, Саша, — сказала она грустно, — я как-то ещё не могу поверить, что у нас новая квартира... Район в общем, конечно, прекрасный, но мама живёт на Арбате, и теперь до неё далеко.

— Пустяки, — сказал Левашов, — привыкнешь. Метро, автобус — рядом. Можно быстро доехать.

Девочки тоже были немножко грустные, и Александр Иванович сказал:

— Пойдёте в новую школу, и всё будет хорошо. А сейчас идите гулять, а мы с мамой будем убирать квартиру.

Девочки вышли во двор. Но там никого не было.

— Скучно, — сказала Женя. — Еще никто не живёт здесь. Ни Мирра, ни Люся — никто сюда не приедет: далеко.

Девочки погуляли ещё немноги и вернулись домой.

— Сильный ветер, — сказала Женя, — прямо с ног сбиваёт.

— Ну, так уж и сбиваёт, — сказал отец.

— Наверное, здесь долго ещё будет гулять ветер, — заметила Елена Николаевна. — Кругом поля, домов ещё мало.

— Скоро будет много, — уверенно сказал Левашов. — Теперь быстро строят. Утром Левашов уехал на работу рано, он ещё не знал, сколько теперь нужно времени, чтобы доехать до места работы.

Девочки ещё спали, а Елена Николаевна пошла посмотреть, какие магазины есть рядом. Елена Николаевна вернулась домой и приготовила для девочек завтрак...

— Теперь идите погулять, — сказала она, когда девочки позавтракали. — Завтра вы пойдёте в школу.

На улице шёл снег. Перед ними были белые поля.

— Папа обещал купить лыжи, — сказала младшая. — Будем ходить на лыжах. Прямо в поле. А в центре снега-то уже давно нет.

Но все-таки в центре жила бабушка, и Люся, и Мирра, и никакие лыжи их не заменят. Они пошли обратно до широкой улицы и решили посмотреть на школу, в которую начнут ходить с завтрашнего дня.

Шкóла былá нóвая, с сáдом. Онí посмогрёли на шкóлу: ясно было, что там идúт урóки, и тепéрь ужé не казáлось, что дúет сильный вéтер — вéтер был, как всегдá в мárте. Дéвочки пошли обратно и уви́дели, что óколо их дóма стойт грузовáя машина, на снегú стояли стулья, на однóм из них сидéла пожилáя жéнщина.

— Вы, дéвочки, тóже живёте здесь? — спросíла жéнщина.

— Да, — отвéтила Юля. — Девяно́сто шестáя квартира. А вáша какáя?

— Вóсемьдесят седьмáя, — отвéтила жéнщина. Было приятно, что приéхали нóвые сосéди.

— Нáша фамилия Левашóвы, а вáша?

— А нáша Стрéльбищевы. Вот тóлько подруг для вас нет. Одýн мálъчик.

— А как зовут вáшего мálъчика? — спросíла Юля.

— Это внуk мой. А зовут его Мíшой. Тóлько он стáрше вас. Ему двенáдцать. Дéвочки решili не мешать, сéли в лифт и поéхали на свой этáж.

Онí рассказáли мáме, что приéхали нóвые сосéди и что онí ви́дели шkólu. Вéчером к ним пришёл пожилóй человék.

— Пришёл познакóмиться, — сказál он. — Ваш сосéд, Стрéльбищев.

Пенсионér. Рáньше работал мехáником.

— Очень ráды, — сказál Левашóв. — Мне ужé дéвочки рассказáзывали о вас. А вáшего внúка Мíшой зовут?

Стрéльбищев позвáл внúка и познакóмил его с Левашóвым. Мíша был спокóйный и вéжливый мálъчик. Левашóв спросíл, интересу́ется ли он фотографией.

— Да, — сказál Мíша, — и фотоаппарат у менé есть.

— Вот и прекрасно. — Приходí к нам, я научу тебя хорошо фотографи́ровать. Чéрез недéлю приéхала ещé одná семья. Там тóже был мálъчик, Юра, который стал учíться в однóм клássе с Мíшой. Дéвочки Левашóвы, Юра и Мíша ходíли в шkólu вмéсте.

Удивíтельno, как быстро всё менéется. У Юли быстро появíлись две нóвые подруги: Нíра и Béra. Онá, конéчно, никогдá не забúдет Мíрру и Люсю, но это тóже очéнь хоро́шие дéвочки, и онá быстро подружíлась с нíми.

Кáждое úтро во дворé появлялась симпатичная весёлая дéвшка в бéлом халáте, онá продавáла молокó. Открыváлись нóвые магазíны. Óба дóма были ужé почтí заселены. Во дворé тóже стáло вéсело. Цéлый день там игрáли дéти. Улица тепéрь назывáлась «Улицей стрóителей».

— Я всё-таки чáсто вспоминаю нáшу стáрую квартиру, — сказáла однáжды Елéна Николáевна мýжу, — у нас с тобóй там было стóлько хоро́шего. Там родились óбе нáши дéвочки... Давáй поéдем посмótрим наш стáрый дом.

— Хорошó, — сказál Левашóв. — Дéвочки просíли, чтобы я сфотографи́ровал наш стáрый тóполь. Онí не мóгут его забыть, я понимáю их. Онí ведь всегdá игрáли под ним.

В воскресéнье онí поéхали в стáрый дом.

— Что э́то? — сказáла Елéна Николáевна испúганно. — Что э́то, Сáша?

Дóма нé было. Тóлько тóполь стоял, он был цел, восемнáдцать лет он наблюдал их жизнь, он проводил их, когда онí уéхали в нóвые местá, он встречáл их тепéрь, когда онí приéхали посмótреть на своё прóшлоe.

— Подумать тóлько, — сказál Левашóв, — ужé снесли. Как э́то быстро тепéрь дéлается!

Вéчером Елéна Николáевна говорíла дéвочкам: «Наш стáрый дом снесли, тамничéго больше нет, но тóполь стоит, он очéнь обráдовался нам, он захотéл узнáть о вас».

— Что он хотéл узнáть о нас? — спросйла Юля.
— Он хотéл узнáть, как вы живёте, с кем дрúжите, не забыли ли егó.
— Не забыли, — отвéтили вмéсте Юля и Жéня.
— И он пожелáл вам счастья в нóвом дóме, очень мнóго счастья пожелáл...

Text 30

aus: М. М. Нахабина, Р. А. Толстая, Книга для чтения

БОРОДАТЫЙ ВНУК

В отношениях Романа Кондратьевича с Бóвкой было много противоречий. Дед и внук любили друг друга, но это не мешало им постоянно спорить. Вот и сегодня дискуссия началась с утра, когда Бóвка вышел из ванной, читая стихи какого-то современного поэта.

- Что ты там стонешь? — спросил дед.
- Читая стихи.
- Это на каком же языке?
- На русском.
- Почему же я не понимаю их?
- Современные стихи — сложные. Такая поэзия требует подготовки у слушателя.
- А вот такая поэзия не требует подготовки, ее все понимают. Дед начал читать:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе,
На третью в ночь, проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна...

- Пушкин. Это классика. Прекрасные стихи, — сказал Бóвка.
- То-то, сравни!
- Сравнения — примитивный аргумент в споре.
- Примитивный! — рассердился дед. — Объясни, что это значит.
- С удовольствием. Ты изучал и знаешь классическую поэзию. Новых стихов не читаешь. Конечно, ты не понимаешь современную поэзию.
- Я консерватор! Спасибо! — обиделся дед.
- Боже мой, вам не надоело? — сказала мать. — С утра начинаются дискуссии!
- Никаких дискуссий, — сказал Бóвка, — просто мы хотим объяснить друг другу, как мы понимаем современную поэзию.

Вкусы деда и внuka отличались не только в поэзии. Роман Кондратьевич во всем любил обстоятельность. Он носил добродушную одежду, не обращая внимания на все изменения моды. Бóвка ходил в джинсах и дешевом черном свитере. И в еде дед любил обстоятельность, он любил хорошо и вкусно поесть, а Бóвке же было все равно, что есть: он и в тарелку почти не смотрел, когда ел.

Вечером у Бóвки собирались друзья, они спорили о последних космогонических гипотезах, о новых книгах и о том, сможет ли институтская команда волейболистов выйти в финал. Они пили коктейли, однажды дед попробовал и ему не понравилось. Они пели песни, которые деду казались странными и непонятными. И отдыхали как-то непонятно: бродили с тяжелыми рюкзаками по небольшим северным городкам, жили в палатках, поднимались на высокие горы.

Этим лётом оні решіли поéхать в тайгú, чтобы на плотáх изучыть рéчку Усть-Тýм.

— Кто же вам плоты даст? — спросыл дед.

— Сáми сдéлаем, по своéй схéме.

— Это ешё что за схéма?

— Плоты на автомобíльных шýнах.

— Утóнете вы на такíх плотах, — заволнова́лся дед.

— Никогдá!—góрдо сказа́л Бóвка. — Констру́кция надёжная!

— Глúости всé это, — сказа́л дед. — Однó дéло, когда́ мы во вре́мя войны форсýровали Днепр на любы́х плотах, потому что друго́го вы́хода нé было. А вас кто заставля́ет?

Несмотря на протéсты дéда, Бóвка уéхал в тайгú, Ромáн Кондрáтьевич очень волновáлся, ругáл дочь — зачéм разрешýла. Но когда́ внук приéхал, загорéвши́й, похудéвши́й, с бородой, дед спросыл, как обычно, с иро́нией:

— Ну, как? Хлебнúли гóря на своéй констру́кции?

— Почемý? Всё бы́ло нормальno. Прекráсно провели вре́мя. Пráвда, констру́кцию приде́тся немнóго изменить...

— Гóловы вам нúжно немнóго изменить, — сказа́л дед, ráдуясь, что внук вернúлся здорóвым.

Пóздней осенью к дéду в гóсти приéхал егó знакóмыи, с которым онí вмéсте служíли в áрмии, зва́ли егó Козьмá Егóрович. Он рабóтал в Сибири, был дирéктором в однóм лесníчестве.

Весь вéчер старики сидéли и вспомина́ли. Из сосéдней кóмнаты слышались молоды́е голоса.

— Кто там? — спросыл Козьмá Егóрыч.

— Внук.

— Хорóший пárень?

— Пárень ничегó, но бывают стрáнности...

— Зnáчит, обижáться не мóжешь, но и гордítся нéчем?

— Примéрно так. Вот иногдá я дúмаю, что éсли моегó Бóвку переселить в на́ши боевые гóды! Как бы он себá повёл?

— Зачéм переселять? Для кáждого вре́мени свой люди. Не знаю, как тебé, а мне на́ша совремéнная молодёжь нráвится... Хорóший нарóд...

— Это ешё провéрить надо. Ведь ты подумай: им госудárство передавáть...

— И передадíм, без страха!

— Серьёзности в них настóящей ма́ло, нет твёрдости характера, — недовóльно сказа́л дед.

— Это как сказáть, вот у нас такóй слúчай был...

И не успéл Козьмá Егóрыч рассказать́ э́тот слúчай, как в кóмнату вошлá молодёжь. Гость с любопытством стал рассмáтривать молоды́х людéй, почти все онí бы́ли с бородáми, в свíтерах. Дед подумал, что егó боевóму дру́гу не понráвится такáя молодёжь, он хотéл, чтобы онí скорéе ушли. Но Козьмá Егóрыч сказа́л:

— Садíтесь, знакомиться бúдем!

Когда́ все сéли, Козьмá Егóрыч спросыл:

— Где э́то вы так загорéли?

— На Усть-Тýме.

— Знаю я э́ти местá, а на рекé Кéми нé были?

— Бы́ли...

— Как вы тудá попáли?

— Человéка одногó нúжно бы́ло довезти до дóма.

— Онý! — вдруг сказа́л гость. — Ну да, онý! Кудá же вы пропа́ли потóм?
— Поплы́ли назáд.
— Ты подúмай, — закричáл он дéду.—Я же их вездé искáл!
— А зачём нас искáть?
— Как зачём?! Хотéл спасибо сказáть, человéка спасли...
— А-а-а, понятно, поблагодарить героя, — сказа́л оди́н из друзéй.
— Да-да, — немéдленно присоединíлся вторóй, — геройзм — однá из отличительных черт егó необыкновéнного характера.
Друзъя, к удивлению гóстя, на́чали с удовольствием подшúчивать над Вóвкой.
— Если захотите постáвить памятник ему в своём лесничестве, мы вам пришлём знаменитого скульптора из Москвы, — сказала однá дёвшка.
Вóвка поспешíл увестí своих весёлых друзéй.
— Так что же у вас произошлó? — спроси́л дед, который ничегó не пónял из этих шуток.
— Слúчай был серьёзный. Пошёл наш учитель на охóту и пропа́л. Десять дней иска́ли — нет человéка! Реши́ли, что погиб, вдруг появляются на Кéми каки́е-то ребя́та и с нýми наш учитель. В тайгé ногу слома́л, четы́ре дня тащíли на себé, а он огрóмный. И продóкты у них кончились. Трудно ребя́там бы́ло. Как они́ донесли егó — все удиви́лись.
— А Вóвка мне об э́том ничегó не сказа́л! — замéтил дед.
— Знáчит, не любит о себé говорить. С характером парень!
— Онó понятно, — гордо сказа́л дед. — Мой внук...